

РАЗДЕЛ 1.
Региональная история,
историография и источниковедение

Алексеев Е.А.
(Нижевартовск)

История Владимиро-Суздальского княжества
второй половины XII столетия в трудах Н.Н. Воронина

Николай Николаевич Воронин может считаться одним из крупнейших исследователей истории и культуры Северо-Восточной Руси. Спектр его научных изысканий был довольно широк: от изучения археологических памятников этого края до истории владимирского летописания. Немаловажное место в творчестве ученого занимала и социально-политическая история Владимиро-Суздальского княжества.

Уход Андрея, позднее прозванного Боголюбским, из Вышгорода на северо-восток «без отни (Юрия Долгорукого. – Е.А.) воли» не был, по мнению историка, его личным решением. Н.Н. Воронин усматривал в этом шаге будущего владимирского «самовластца» происки ростово-суздальских бояр, которые стремились «изолировать Ростовский край от общерусских интересов, усилить его самостоятельность, а вместе с тем сохранить и свою независимость от княжеской власти» (1). Андрей, большую часть жизни проведший на севере, устраивал местную знать как потенциальный правитель, и в результате был единодушно избран ростово-суздальским князем.

Изгнание младших Юрьевичей из Ростово-Суздальской земли Н.Н. Воронин объяснял желанием Андрея исключить возможность их притязаний на Владимир, так как «ряд» Юрия Долгорукого сохранял за ними это право.

Н.Н. Воронин пытался выяснить, на какие же социальные силы опирался Андрей «в своих крутых мероприятиях».

В оценке исследователя горожане Владимира – предшественники позднейшей буржуазии – выступали сторонниками сильной верховной власти. Купцы стремились обезопасить торговлю от разбоя «феодалов», освободить ее от поборов на границах княжеских владений. Ремесленники были заинтересованы в развитии связей с другими городами, в широком сбыте своих изделий. Поэтому во Владимиро-Суздальском княжестве и возник союз князя с горожанами (2).

Дворяне – еще один общественный слой, на который, с точки зрения Н.Н. Воронина, опирался Андрей Боголюбский. Благополучие этих «милоственников» целиком зависело от княжеского пожалования. Другим «столпом» политики «самовластца» стала «иноплеменная служилая прослойка новых городов» (3).

По мнению видного историка, на северо-востоке Руси во второй половине XII в. развернулся процесс «внутренней колонизации»: население княжества уходило в менее удобные в хозяйственном отношении и удаленные от городов и водных артерий места. Причину такой колонизации Н.Н. Воронин видел в отсутствии свободных земель в центральных районах, а также в стремлении крестьянства избавиться от «феодальной эксплуатации» (4).

Разграбление Киева, в частности, его церковей в 1169 г. историк рассматривал как месть Андрея за «митрополичью неправду», т.е. казнь епископа Феодора. Оказывается, в киевских «святынях» владимирский князь видел оплот политического влияния противника.

После 1169 г. изменился и характер владимирского летописания. По наблюдению Н.Н. Воронина, отныне история Южной Руси рассматривается здесь в ракурсе местных интересов. Так, основная идея свода конца 70-х гг. XII в. – главенство Владимира над Ростовом и перенос политического центра Руси из Киева в город на Клязьме (5).

Гибель Андрея Боголюбского – результат боярского заговора, который показал, «до какого крайнего предела напряглись противоречия внутри господствующего класса, и сколь тяжким было положение народа» (6). Беспорядки, вызванные смертью Андрея Юрьевича, Н.Н. Воронин назвал революцией. По словам ученого, «городские низы были подготовлены к выступлению произволом княжеской администрации» (7).

Бояр-заговорщиков поддерживал рязанский князь Глеб. На съезде 1174 г. он заставил местную элиту принять на княжение своих родственников Ростиславичей (сыновей старшего сына Юрия Долгорукого Ростислава).

Н.Н. Воронин полагал, что за время междоусобицы 1174-1177 гг. чрезвычайно возросла политическая самостоятельность горожан. Они – «крупнейшая общественная сила, ясно понимающая свое значение и цели», более того, «опора широкой политики возвышения Владимирской земли, вступающей в смелую борьбу с хаосом феодальной раздробленности» (8). Их «правда» отлична от боярской «правды», основанной на господстве Ростова над «пригородами».

Во Владимире не было старых боярских родов. Главную силу там составляли верхи городского населения. Таким было положение и в Переяславле-Залесском, где отсутствовал даже детинец. Кольцо валов и стен предназначалось словно для защиты одних горожан (9).

Своим успехом «Михалко» и Всеволод, как считает Н.Н. Воронин, были обязаны именно горожанам, причем и владимирским, и ростово-суздальским. (Другого мнения придерживается Ю.А. Лимонов, утверждая, что Юрьевичам помогали «владимирские феодаль» и бояре «более мелкого калибра»).

Князя, по Н.Н. Воронину, предоставили посадскому люду какие-то льготы в благодарность за поддержку. «Михалко» после победы отправился в Ростов и Суздаль, где «створи людем весь наряд, утвыердивься крестным

целованьем с ними». Это летописное сообщение историк считал свидетельством уступки горожанам со стороны князя.

Рассказ из владимирского летописного свода конца 1170-х гг. о борьбе за наследство Андрея Боголюбского Н.Н. Воронин определил как «Повесть о междукняжии», подчеркивая ее цельный характер. Лейтмотив этой «Повести» – борьба горожан и старой знати, Владимира и Ростова, «старых и новых городов» (10).

Владимирский «мятеж» (1177 г.) и взятие Торжка (1178 г.) в представлении Н.Н. Воронина обнаруживают ослабление союза княжеской власти и горожан; последние, точнее, дружинники, проявили неповиновение Всеволоду Большое Гнездо. На взгляд Н.Н. Воронина, эти дружинники представляли новое дворянство – старую чадь, иноплеменников, и, возможно, кушцов (11).

В понимании Н.Н. Воронина Андрей Боголюбский выступал борцом за единство древнерусских княжеств. Как нам представляется, историк несколько преувеличил политическую дальновидность этого правителя. Желание Андрея подчинить своей воле другие земли и княжества скорее всего обуславливалось его властолюбием.

Посадское население Н.Н. Воронин признавал основной политической силой Владимиро-Суздальской Руси второй половины XII в. По заключению ученого, горожане решили судьбу владимирского стола вскоре после гибели Андрея Боголюбского, а князя строили свои взаимоотношения с ними на основе договоров.

Н.Н. Воронин предложил ряд оригинальных решений проблем истории Северо-Восточной Руси. Думается, однако, что многие его выводы являются конъюнктурными и не выходят за рамки популярных в советской историографии догм.

1. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961. Т. 1. С.114.

2. Там же. С.115.

3. Воронин Н.Н. Владимиро-Суздальская земля в X-XIII вв. // Русские княжества X-XIII вв. М., 1975. С. 219.

4. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 116.

5. Воронин Н.Н. К характеристике владимирского летописания 1158-1177 гг. // Летописи и хроники: 1976 г. М., 1976. С. 27.

6. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т.1. С. 345.

7. Воронин Н.Н. Владимиро-Суздальская земля... С. 223.

8. Воронин Н.Н. Владимир: Боголюбово: Суздаль: Юрьев-Польской. М., 1965. С. 15.

9. Воронин Н.Н. Переяславль Новый // Средневековая Русь. М., 1976. С.142.

10. Воронин Н.Н. К характеристике владимирского летописания... С. 33.

11. Воронин Н.Н. Владимиро-Суздальская земля... С. 225.